

Necro graph

Плуг и Саван

Necro graph

Плуг и Саван

«Автор»

2026

graph N.

Плуг и Саван / N. graph — «Автор», 2026

Рассказ о девятнадцатилетнем Итане Блэре из нищей деревни в Империи Чистого Света. Столкнувшись с угрозой со стороны инквизиции, он решается на отчаянный шаг. Получив запретную силу, Итан ступает на опасный путь, балансируя на грани безумия и постепенно теряя человечность. Эта масштабная история проведет героя через индустриальные трущобы и тайны королевских дворов, где ему предстоит бросить вызов тирании.

© graph N., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 : Цена серой овсянки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Necro graph

Плуг и Саван

Глава 1 : Цена серой овсянки

Перед тем как земля Оутфилда окончательно умерла, Итан Блэр научился различать тридцать оттенков серого цвета.

Серым было небо, круглый год затянутое жирным, маслянистым смогом со стороны далеких индустриальных городов Империи Чистого Света. Серой была река, в которой уже три года не водилось ничего, кроме слепых головастика и радужных мазутных пятен. Серой была овсяная каша, которую они с отцом делили на двоих дважды в день, экономя каждую крупицу. Даже солнце, пробивающееся сквозь вечную пелену облаков, казалось тусклой, остывающей монетой, не способной дать тепла смертным. В этом мире сама радость была объявлена вне закона, а выживание превратилось в бесконечную, монотонную пытку.

Девятнадцатилетний Итан стоял посреди поля, тяжело опираясь на деревянные рукояти старого, иссеченного глубокими трещинами плуга.

Юноша был высоким, угловатым, чье тело сформировалось годами хронического недоедания и непосильного труда. Его бледная, почти прозрачная кожа покрывалась постоянным слоем въевшейся угольной пыли и сухой грязи, которую уже давно не смывала ледяная колодезная вода. Жесткие темно-каштановые волосы были небрежно обрублены отцовским охотничьим ножом, чтобы не лезли в глаза во время работы. Одет Итан был в серую холщовую рубашку с оборванными обшлагами и широкие штаны из грубой мешковины, подпоясанные куском толстой просмоленной веревки. На ногах его держались тяжелые ботинки из воловьей кожи — левый мысок давно протерся и обнажал серую ткань портянки, жадно впитывающей холодную влагу пашни. Все движения Итана были медленными, экономными, словно он берег каждую крошечную каплю жизненной энергии. Его взгляд, тяжелый и лишенный всякой юношеской наивности, был постоянно сфокусирован на грязи под ногами. Когда он задумывался или испытывал скрытую злость, то бессознательно принимался тереть ладонью старый, побелевший шрам на левом запястье — след от детского пореза ржавым серпом. От него остро пахло горькой полынью, речной сыростью и кислым потом человека, который работает на износ.

Итан сплюнул под ноги. Слюна была вязкой и горькой от торфяного дыма, горевшего на дальних болотах. Земля Оутфилда, пограничного захолустья, не просто истощилась за годы неурожая — она медленно загнивала. Каждое утро, выходя в поле, Итан выковыривал из борозд черные, склизкие колосья озимой пшеницы. Они покрывались жуткой маслянистой слизью и больше напоминали гниющие человеческие пальцы, тянущиеся из недр могилы, чем пищу. Местный священник, отец Малахия, на воскресных проповедях утверждал, что эта гниль — «испытание веры» для грешников, и нужно лишь усерднее молиться, смирять гордыню и исправно платить церковную десятину. Но Итан, несмотря на всю свою крестьянскую простоту, знал: молитвами пустой желудок не обманешь, а Бог Чистого Света, кажется, никогда не заглядывал в их грязное пограничье.

Сзади слышался тяжелый, натужный кашель, переходящий в сухой хрип, сопровождаемый шарканьем разваливающихся сапог. Итан не оборачивался. Он слишком хорошо знал этот звук.

К нему, волоча за собой старую, местами облезлую овечью шкуру, шел **Томас Блэр**, его отец. Тяжелый крестьянский труд превратил этого человека в согбенного старика к сорока годам. Томас был высоким мужчиной, но его спина оказалась настолько сильно изогнута дугой, будто земля Оутфилда физически тянула его к себе каждую секунду жизни, приглашая лечь в

могилу. Его серая, высушенная ветрами кожа на лице напоминала потрескавшуюся дубовую кору, а в глубокие, кровоточащие трещины на широких ладонях настолько прочно въелась черная грязь, что её невозможно было отмыть никаким мылом. Отец носил засаленную, стократно латанную холщовую рубаху, из-под которой виднелись худые, обтянутые кожей ключицы, а его тяжелые сапоги, перевязанные бечевкой у лодыжек, жалобно чавкали при каждом шаге. Он почти никогда не поднимал головы, постоянно выискивая что-то в бесплодной почве, а его пальцы непрерывно дергались, будто бессознательно перебирали невидимые зерна. От Томаса остро пахло сухой полынью, овечьим потом и едким, дешевым махорочным табаком, который он жевал круглые сутки, чтобы просто заглушить постоянное урчание в голодном желудке.

Лицо отца казалось мертвой маской. Он подошел ближе, его узловатая ладонь тяжело опустилась на плечо сына, заставив Итана слегка прогнуть колени от неожиданной тяжести.

— Стой, парень, — хрипло выдохнул Томас, и его тусклые, слезящиеся глаза встретились с холодным взглядом сына. — Сделай перерыв. Лошадь больше не потянет. Глянь на ее бока. Если загоним Старуху сегодня, к утру у нас не останется вообще ничего.

Итан перевел взгляд на их единственную кобылу, костлявую клячу, которая едва держалась на ногах в десяти шагах от них. Животное тяжело, прерывисто дышало, из его ноздрей вырывался густой, вонючий пар, а худые колени мелко дрожали от перенапряжения. Старуха была ровесницей Итана, и ее поджарые бока обтянули ребра так сильно, что кобыла казалась ходячим скелетом.

Юноша промолчал, лишь сильнее сжав деревянные рукояти плуга. Ему не нужно было объяснять, что значит потерять лошадь. Если Старуха падет до начала первых серьезных заморозков, они не смогут закончить вспашку единственного уцелевшего клина земли. А это значило, что весной им будет нечего сдавать в качестве налога Церкви Чистого Света.

А у Церкви были свои, не знающие жалости законы. Долги по налогам и недоимки по десятине в пограничных землях Империи не прощались никогда. Если крестьянин не мог заплатить монетой или зерном, Церковь забирала «живой налог». Младших детей из несостоятельных семей уводили в монастырские приюты на пожизненную отработку.

При мысли о девятилетней сестре Лили пальцы Итана до боли, до хруста в суставах сжали дерево плуга. Дети, попавшие в эти приюты, никогда не возвращались домой. А те редкие бедолаги, кого встречали на дорогах годы спустя, больше не были людьми. Из святых стен выходили живые куклы с абсолютно пустыми, стеклянными глазами. Они не помнили своих родителей, не знали своих прежних имен, умели только бесконечно ткать священные саваны для столичных аристократов и монотонно, без капли эмоций бормотать литании Солнцу. Церковные алхимики умели «очищать» разум детей от всего лишнего, превращая их в идеальных, безвольных слуг.

— Нам нужно пройти еще хотя бы три борозды, отец, — тихо, но удивительно твердо сказал Итан. Его голос прозвучал резким контрастом к его истощенному телу. — Если мы не перевернем этот пласт сейчас, ночью придут заморозки с болот. Земля схватится коркой, и завтра железо ее просто не возьмет.

Томас долго смотрел на сына. В его тусклых глазах на одно короткое мгновение вспыхнуло что-то похожее на родительскую жалость и глубокий стыд за собственное бессилие, но эта искра тут же угасла, сменившись привычной, вековой крестьянской покорностью перед судьбой. Он молча полез в карман, достал кусок сушеного табачного листа и сунул его в рот, принимаясь ожесточенно жевать.

— Ладно, — глухо бросил старик. — Но впрягайся вместе со Старухой. Один она плуг из этой жижи не вытянет. Земля сегодня тяжелая, как свинец. Будто держит что-то изнутри...

Через десять минут Итан уже стоял в одной лямке рядом со старой кобылой. Грубая пеньковая веревка мгновенно врезалась в его худое плечо сквозь тонкую, протертую ткань рубахи,

сдирая верхний слой кожи до живого мяса. Юноша наклонился вперед, почти параллельно земле, упираясь разбитыми носками ботинок в скользкую, холодную грязь пашни.

— Взяли! — крикнул Томас сзади, налегая всем своим весом на хвост плуга.

Итан взревел. Звук, вырвавшийся из его груди, был похож на хриплый рык раненого животного. Перед глазами мгновенно поплыли жирные черные круги, мышцы спины завязались в тугие, болезненные узлы, а легкие обожгло ледяным, сырым воздухом. Плуг со скрежетом сдвинулся с места, выворачивая наизнанку пласты жирной, иссиня-черной земли, пахнувшей торфом и речным илом. Кобыла жалобно захрипела, переставляя дрожащие ноги.

Шаг. Еще шаг. Земля действительно не хотела поддаваться, словно налипая на лемех тоннами невидимого веса. Итан чувствовал, как пот заливает глаза, смешиваясь с грязью, а кровь из растертого плеча медленно течет по груди, пропитывая холстину. Но он не останавливался. В его голове была только одна мысль: *три борозды. Ради Лили. Еще три борозды.*

Когда сумерки окончательно сгустились, превратив серый день в глухую темную ночь, они закончили. Колени Итана подгибались от усталости, левая портянка полностью промокла, а пальцы рук заоченели так, что он с трудностями смог расцепить их, отпуская лямку. Кобыла Старуха стояла, опустив голову до самой земли, из ее пасти капала густая белая пена.

— На сегодня всё, — хрипло выдохнул Томас, вытирая пот со лба грязной ладонью. — Веди лошадь в стойло, парень. А я соберу инструмент.

Итан молча взял Старуху за недоуздок. Животное шло за ним медленно, едва волоча ноги, спотыкаясь на каждом колышке. Юноша шел впереди, глядя на далекий, едва заметный огонек их покосившейся хижины на краю деревни. Надвигалась холодная ночь, и Итан знал, что дома их ждет лишь миска жидкой, серой каши и холодный сквозняк из щелей в стенах. Но пока этот огонек горел, у них еще оставался дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.